

конечно больше, чем раньше, взаимодействию прозы и поэзии, хотя справедливые аналогии типа Некрасов — Достоевский можно было бы расширить за счет таких, например, как Фет — Толстой и др. Общее же противоречие, обнаруживаемое Г. М. Фридендером, думается, может оказаться плодотворным при дальнейших изучениях: «Но чем больше увеличивалось число и разнообразие явлений, доступных поэтическому слову, чем сложнее становились сами эти явления и методы их изображения, тем более сильной становилась для поэзии опасность за изображением отдельных явлений и пластов жизни потерять ценность и широту ее общего поэтического восприятия. В этом состоит, как нам представляется, основное противоречие, при-

сущее развитию реалистической поэзии XIX в. и особенно ярко обнаружившееся во вторую половину» (стр. 230).

Монография Г. М. Фридендера по сути обращена к настоящему во всех своих частях, в последней такое обращение получает прямое выражение. Автор, не упрощая, сумел четко классифицировать основные тенденции в современном модернистском искусстве и противопоставить такое искусство реализму в его гносеологических истоках. «Поэтика русского реализма» — работа, во многом подводящая итоги, и в этом отношении ее значимость бесспорна, но свой настоящий смысл и оправдание она получает, вызывая к новым усилиям и давая для этого опоры.

Н. Н. Скотов

С. М а ш и н с к и й. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ГОГОЛЯ. «Просвещение», М., 1971, 512 стр.

Все острее осознается необходимость выявить и обобщить позитивный методологический опыт, практически воплощенный в теоретико- и историко-литературных исследованиях. Не заменяя, естественно, специальных трудов по методологии, но существенно дополняя, а порой и корректируя их, такой анализ способен ошутимо обогатить методологическую базу советского литературоведения, содействовать изучению многообразия присущих ему жанров. На актуальности этой задачи (о ней очень своевременно и точно писал недавно Е. И. Покусаев) приходится тем энергичнее настаивать, что все еще сильна инерция односторонне-тематического прочтения литературоведческих работ, недооценки как раз наиболее общезначимого, методологического в них.

Книга С. Машинского «Художественный мир Гоголя», вышедшая сто тысячным тиражом и обращенная прежде всего к широкой учительской, студенческой аудитории и вообще к массовому читателю, дает добротный и поучительный материал для размышлений о самом типе и структуре подобной монографии, о мастерстве исследователя в решении своеобразной и очень актуальной задачи.

В сущности, проблематика книги гораздо шире ее названия, сколь ни емко оно. Но все дело в том, что широта эта внутренне закономерна и всецело подчинена центральной задаче автора — ввести читателя в художественный мир Гоголя, приобщить к его неповторимой красоте и тем обогатить духовный опыт современника «поэзией и правдой» творений гениального русского писателя. Для этого художественный мир Гоголя соотнесен с исторической и художествен-

но-литературной жизнью эпохи, показан как эстетическая конкретность в процессе его созидания на путях идейно-творческой эволюции писателя, в сложных связях с личностью, мировоззрением, эстетическими убеждениями Гоголя. Отсюда и многоаспектность труда С. Машинского.

Однако сама по себе она еще не выражает во всей полноте главенствующей исследовательской установки автора, общего характера и своеобразия его книги: ведь многоаспектны и фундаментальны монографии о Гоголе, принадлежащие М. Б. Храпченко, Н. Л. Степанову, Г. Н. Поспелову, многоаспектен и очерк самого С. Машинского об авторе «Ревизора», опубликованный в 1951 г., и его книга о «Мертвых душах» (1966). В новой книге С. Машинского многоаспектность приобретает новое качество, отвечающее своеобразию авторской цели и замысла, — качество, которое следовало бы назвать синтетичностью. Внутреннее содержательное сопряжение, «одномоментность» и взаимопроникновение различных планов и граней аналитических характеристик на уровне и отдельного произведения, и цикла-сборника, и группы вещей одного жанра, и в результате всего творчества писателя, в его единстве и целостности (порой до предела противоречивой), — вот что прежде всего отличает синтетичность метода С. Машинского в рецензируемой книге.

С. Машинский активно приумножает плодотворные традиции, определившиеся в лучших теоретических и историко-литературных работах, авторы которых от понятия целостности отдельного произведения идут к постижению динамической целостности всего художественного